

ЭЛИЗАБЕТ ГАСКЕЛЛ

ДОМ НА ВЕРЕСКОВОЙ ПУСТОШИ

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
Г22

Серия «Эксклюзивная классика»

Перевод с английского
Е. Ильиной («Дом на вересковой пустоши»),
Е. Пономаренко

Серийное оформление *А. Фереза, Е. Ферез*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Гаскелл, Элизабет.

Г22 Дом на вересковой пустоши : [сборник рассказов] / Элизабет Гаскелл ; [перевод с английского Е. Ильиной, Е. Пономаренко]. — Москва : Издательство АСТ, 2026. — 352 с. — (Эксклюзивная классика).

ISBN 978-5-17-178951-0

После смерти отца Мэгги Браун живет с матерью и братом Эдвардом в уединенном домике посреди вересковой пустоши. Честная и трудолюбивая Мэгги мечтает о материнской заботе и поддержке, но миссис Браун всю свою любовь тратит на растущего избалованным эгоистом Эдварда. Женщина и от дочери ожидает аналогичного отношения к брату, но можно ли обрести личное счастье, отказавшись от собственного будущего в пользу другого человека?

В данное издание также вошли рассказы «Лиззи Ли», «Сердце Джона Миддлтона», «Мортон-Холл» и «Полжизни назад».

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

ISBN 978-5-17-178951-0

© Перевод. Е.А. Ильина, 2025
© Перевод. Е.Н. Пономаренко, 2025
Школа перевода В. Баканова, 2025
© ООО «Издательство АСТ», 2026

ДОМ НА ВЕРЕСКОВОЙ ПУСТОШИ

Глава 1

Если вы пройдете через крытые ворота кладбища при церкви Комбхерст и свернете налево, то окажетесь перед деревянным мостом через ручей. Держитесь тропинки, что бежит по краю поля и поднимается все выше и выше, и через полмили или около того окажетесь на продуваемом всеми ветрами обширном лугу, поросшем сочной травой, где пасутся стада овец. Если посмотреть отсюда вниз, то можно увидеть красивый тонкий шпиль церкви. За лугом расстилается пустошь с пестревшими тут и там кустиками золотистого утесника и лилового вереска, наполняющими своим теплым благоуханием тихий неподвижный воздух. Похожая на гребень волны вершина холма, четко вырисовывавшаяся на фоне неба, почти слилась с линией горизонта, прерывавшейся в одном месте небольшим сосновым бором, который даже в полдень кажется темным и тенистым, в то время как окружающая его местность купается в золотистом солнечном свете.

Откуда-то с неба льется звенящая переливчатая трель жаворонка, порхающего так высоко в ослепительной синеве, что его не увидеть невооруженным

глазом. Но вот смотрите: он появился и, словно не желая покидать этого сияющего великолепия, медлит, паря в заоблачной выси, — а потом внезапно камнем падает в свое гнездо, спрятавшееся в зарослях вереска, невидимое никому, кроме Божественного провидения и ярких жучков, ползающих вверх и вниз по гибким цветочным стеблям.

Подобно падению жаворонка тропинка резко ныряет вниз и сбегает по зеленому склону в некое подобие долины, окруженной поросшими травой холмами. И вот там, в этой долине, возвышается небольшой домик — нечто среднее между коттеджем и деревенской избой. Фермой это строение тоже не назовешь, хотя вокруг и бродит всякая живность.

Это жилище принадлежит, или, вернее, принадлежало в то время, о котором я веду свой рассказ, миссис Браун, вдове покойного викария Комбхерста. Здесь она жила вместе со своей старой преданной служанкой и детьми — сыном и дочерью. Этот уединенный домик, расположенный в укрытой от посторонних глаз долине, напоминал один из тех, что описываются в старых немецких сказках. Раз в неделю маленькое семейство нарушало свое уединение, чтобы пересечь пустошь и оказаться на вершине холма, куда доносились первые переливчатые удары церковных колоколов, созывавших паству на службу.

Миссис Браун всегда шла первой и вела за руку Эдварда. Старая служанка Нэнси следовала за ней рука об руку с Мэгги. И все же эти четверо держались вместе и переговаривались тихими, приглушенными голосами, как и подобало в такой день. Впрочем, им почти нечего было сказать друг другу, поскольку их жизнь протекала слишком уж размеренно и однооб-

разно, и за исключением воскресений вдова и ее дети в Комбхерсте не появлялись. Многие сочли бы городок тихим, сонным местом, но для этих двух детей он казался огромным миром, и, перейдя через мост, они крепче сжимали руки взрослых и робко поглядывали из-под полуопущенных век, когда с ними заговаривал кто-то из друзей матери.

Каждый раз после утренней службы кто-нибудь из жителей обязательно приглашал миссис Браун на обед, но она каждый раз отвечала отказом, к немалому облегчению слишком застенчивых детей. Правда, в течение недели они иногда тихонько говорили, что с удовольствием отправились бы на обед к мистеру Бакстону, в доме которого жила маленькая девочка в белом платье и красивый высокий мальчик, но вместо миссис Браун, того чтобы принять приглашение мистера Бакстона или кого-нибудь другого, считала своим долгом отправиться на кладбище и поплакать на могиле мужа. Этот обычай возник из искренней скорби по поводу его утраты, ибо более доброго и достойного человека не было на всем белом свете. Только вот искренность ее горя обесценивалась чрезмерным вниманием к тому, как оно проявлялось. Перед ней расступались, чтобы она смогла пройти по траве к могиле мужа, и, полагая, что от нее ожидают именно этого, миссис Браун обзавелась привычкой, о которой я уже упомянула. Державшие ее за руки дети испытывали благоговение и вместе с тем, чувствовали себя неловко и остро осознавали, как часто на их скорбную процессию устремлялись взгляды окружающих.

— Мне бы хотелось, чтобы по воскресеньям всегда шел дождь, — сказал как-то раз Эдвард своей

сестре Мэгги, когда они, по своему обыкновению, сидели в саду.

— Почему? — спросила девочка.

— Потому что тогда мы очень быстро вернулись бы домой, чтобы мама не намочила траурное платье. К тому же нам не пришлось бы идти на кладбище и плакать на папиной могиле.

— Я не плачу, — сказала Мэгги. — А ты?

Оглядевшись по сторонам, дабы убедиться, что его никто не услышит, Эдвард ответил:

— Я очень долго горевал по папе, но нельзя же горевать вечно. Хотя взрослые, наверное, могут.

— Например, мама, — сказала малышка Мэгги. — Иногда мне тоже становится очень грустно, особенно когда я остаюсь одна, играю с тобой или просыпаюсь ночью от лунного света, проникающего в нашу комнату. Ты когда-нибудь просыпался от того, что тебе казалось, будто папа тебя зовет? У меня такое бывало. И тогда меня охватывала печаль при мысли, что мы никогда больше не услышим, как он нас зовет.

— У меня, знаешь ли, все по-другому. Обычно он звал меня садиться за уроки.

— Меня отец иногда окликал потому, что я его чем-то рассердила, но во сне он всегда зовет нас своим добрым голосом, как звал когда-то, когда хотел взять нас на прогулку или показать что-то интересное.

Эдвард молчал, рассматривая что-то на земле, наконец, опять оглядевшись и убедившись, что их никто не подслушивает, прошептал:

— Мэгги, знаешь, иногда мне бывает совсем не жаль, что папа умер. Ну... когда я шалю. Будь он жив,

ужасно бы рассердился. И я думаю, но только иногда: хорошо, что его здесь нет.

— О, Эдвард! Ты ведь так не думаешь, я знаю. Давай больше не будем о нем говорить: мы еще слишком малы, чтобы это обсуждать. Пожалуйста.

Глаза бедной маленькой Мэгги наполнились слезами, и она больше никогда не говорила с Эдвардом или с кем-то еще о своем покойном отце. По мере того как она выросла, на ее плечи ложилось все больше домашних дел. Дом, хозяйственные постройки, сад и поле были собственностью семьи Браун, и домочадцы жили за счет того, что сами же и производили. Корова, свинья и домашняя птица отнимали у Нэнси большую часть времени, а миссис Браун и Мэгги приходилось выполнять всю работу по дому. Застелив постели, Мэгги убирала комнаты, вытирала пыль, потом готовила обед и лишь после этого могла, наконец, сесть за уроки, если, конечно, у нее оставалось на это время.

Эд же, очень гордившийся тем, что родился мальчиком, все утро сидел в отцовском кресле в небольшой библиотеке и «приобретал знания», как он предпочитал это называть. Иногда Мэгги просовывала голову в дверь с просьбой помочь ей отнести наверх тяжелый кувшин с водой или выполнить мелкую работу по дому, и он обычно откликнулся на ее просьбы, но при этом так сетовал, что его оторвали от важного занятия, что, в конце концов, Мэгги поклялась никогда его больше ни о чем не просить. Это было сказано очень мягко, но Эд, услышав в словах сестры упрек, предпринял попытку оправдаться.

— Видишь ли, Мэгги, мужчина должен получить образование, чтобы стать джентльменом, в то вре-

мя как женщине нужно всего лишь уметь содержать дом — большего от нее не требуется, — поэтому мое время более ценно, нежели твое. Мама говорит, что я поеду учиться в колледж и стану викарием, а значит, мне необходимо продолжать изучение латыни.

Мэгги молча ему подчинилась, а потому, когда утром следующего дня брат встретил ее у колодца и забрал тяжелый кувшин, наполненный ключевой водой для приготовления обеда, девочка сочла это актом снисходительного великодушия с его стороны.

— Давай поставим его в тень позади коновязи. О, Мэгги, посмотри, что ты наделала: все разлила! А все из-за того, что недостаточно быстро обернулась, когда я тебя окликнул. Теперь тебе придется заново наполнить кувшин, но я больше помогать не стану.

— Я просто не сразу тебя поняла, — тихо сказала девочка, но Эд уже развернулся и с видом оскорбленного достоинства направился к дому. Мэгги же не оставалось ничего другого, кроме как вернуться к колодцу, в небольшую каменистую лощину на приличном расстоянии от дома и снова наполнить кувшин. Здесь царил приятная прохлада, а она так разгорячилась на солнце, что присела в тени утеса из серого известняка и посмотрела на пушистые стебли папоротника, мокрые от капавшей на них воды. Девочке было очень грустно, хоть она и не могла бы сказать, почему.

Каким злым иногда бывает Эд! Мэгги не поняла, что он понес кувшин сюда. Наверное, как говорит мама, она просто неуклюжая. И брат тоже. А вот Нэнси и папа никогда так про нее не говорили. Жаль, что она такая растяпа. Как бы ей хотелось это изменить! Но Эд говорил, что все женщины такие.

И почему она не родилась мальчишкой? Наверное, так хорошо быть мужчиной! О господи! Теперь опять придется тащиться вверх по полю с этим тяжелым кувшином, а у нее уже и так болят руки!

Поднявшись, девочка побрела вверх по склону, и вскоре до ее слуха донесся крик матери:

— Мэгги! Мэгги! У нас совсем не осталось воды: вскипятить чай, — а картошка почти сварилась. Ну где этот ребенок?

Когда девочка, запыхавшаяся и усталая, спустилась на кухню, после того как вымыла руки и причесалась, все уже сидели за столом.

— Мама, — обратился к матери Эд, — можно немного масла? А то мясо холодное, а картошка такая сухая.

— Конечно, дорогой. Мэгги, ступай принеси кусок масла из маслобойни.

Не успев притронуться к еде, та безропотно поднялась из-за стола.

— А ну-ка стойте, дитя! — остановила ее в коридоре Нэнси. — Возвращайтесь за стол: я сама схожу за маслом. Вы сегодня достаточно набегались.

Но Мэгги не решилась вернуться без масла и осталась в коридоре, дожидаться Нэнси. Добрая старая служанка поцеловала ее в лоб и пробормотала себе под нос, прежде чем вернуться в кухню:

— Ну что за милое дитя!

Мэгги с легким сердцем вернулась в столовую.

Когда обед закончился, девочка помогла матери вымыть старинные стаканы и ложки, с которыми в этом бережливом семействе обращались очень заботливо и содержали в идеальной чистоте. Затем, сменив свой передник на фартук из черного шелка,

Мэгги уселась за шитье. Стежки у нее получались ровными и аккуратными, как того требовала мать. Таким образом, весь ее день был заполнен полезными делами, но маленькая Мэгги выполняла свои обязанности с удовольствием и считала свое детство в отчем доме самым счастливым и беззаботным временем, хоть забот у нее и хватало.

В погожие летние дни Мэгги выходила с рукоделием на улицу. Сразу за их огородом расстилалась каменистая вересковая пустошь, пестревшая разноцветьем. Но если двор украшали кусты нуазетовых роз, летнего кипариса, парковых роз и высоких белых лилий, то на вересковой пустоши можно было встретить ароматную стелющуюся розу с маленькими тугими бутонами, разбросанные тут и там кустики жимолости и заросли лилового ладанника. Выступавшие из земли валуны были покрыты желтыми шапками заячьей капусты и пылавшего багровыми листьями журавельника. Вот на одном из таких валунов и сидела Мэгги. Думаю, она считала этот валун своей собственностью, и потому очень его любила, хотя на самом деле он, равно как и вся эта земля, принадлежал какому-то знатному лорду, который жил где-то далеко и ни разу не видел ни этой пустоши, ни возвышавшегося на ней серого валуна.

В тот день, о котором я веду свой рассказ, Мэгги сидела на валуне, держа в руках работу и тихонько напевая себе под нос. Дом был совсем рядом, и потому девочка прекрасно слышала доносящиеся из него звуки, приглушенные расстоянием.

Игравший неподалеку Эдвард то и дело взывал к ее сочувствию, и она с готовностью его утешала.

— Интересно, как это корабли удерживаются на плаву? Я отнес свой на пруд, но он всякий раз, когда опускаю его на воду, переворачивается.

— Может, тебе чем-то нагрузить свою лодку, чтобы придать устойчивости?

— Сколько раз можно повторять: не называй мой корабль лодкой! Нельзя же быть такой бестолковой.

Эдвард хоть и нагрубил сестре, но не подал виду, что ее идея с грузом весьма удачная, а направился к дому поискать что-нибудь подходящее. Покопавшись, но так ничего и не обнаружив, он вернулся к валуну и заметил, что земля возле него усеяна мелкими камешками, только вот они слишком прочно засели в почве и выковырнуть ни одного не удалось.

— Предположим, я воспользуюсь твоим советом нагрузить корабль. Что, по-твоему, туда можно положить? — нехотя обратился он к сестре.

Мэгги на мгновение задумалась.

— Может, дробь?

— Как раз то, что нужно, но только вот где ее раздобыть?

— У папы осталось немного: в кульке из газеты лежит в правом углу второго ящика бюро.

— Вот черт! Как ты запоминаешь эту чепуху: право, лево, второй ящик, первый...

Он принялся опять ковырять камни, но они не поддавались.

— Я знаю, ты очень добрая, Мэгги! Не могла бы ты сама сходить за дробью?

— Эд, у меня столько дел! Мама сказала, что этот длинный шов должен быть готов до вечернего чаепития, а потом я могу немного поиграть.

Мэгги ужасно не хотелось отказывать брату, но у нее не было выхода.

— Это займет не более пяти минут.

Девочка призадумалась. Ведь не страшно, если она поиграет чуть меньше. Эдвард говорит, что очень занят, и ему действительно нужна дробь. Она поднялась с камня и принялась взбираться по поросшему травой склону, скользкому от жары.

Не успела она открыть ящик, как до ее слуха донесся голос матери: торопливый и приглушенный, словно она хотела, чтобы ее услышал только тот, к кому обращалась.

— Эдвард, сынок, иди сюда скорее! По Фелллейн идет мистер Бакстон, и как пить дать, направляется сюда. Ну же, поторопись!

Мэгги увидела, как брат положил свой кораблик на землю и пошел к дому. Он определенно слышал голос матери, но все же старался показать, что решил вернуться по собственной воле, и потому поднимался по склону неторопливо и независимо, непринужденно сунув руки в карманы. У Мэгги больше не было времени наблюдать за братом: ее тоже позвали, — и она поспешно сбежала по лестнице вниз.

— Помоги-ка Нэнси приготовить поднос с чаем, — заметно нервничая, сказала мать. — И поторопись. К нам идет мистер Бакстон. О, Эдвард! Ступай причешись да надень свой воскресный костюм, а я побегу сменю чепец. Ты, Нэнси, скажешь гостю, что поднимешься ко мне и доложишь о его приходе, чтобы все было как полагается.

— Будьте покойны, мэм. Я и прежде живала в приличных семьях, — сварливо пробурчала служанка.

— Да, мне об этом известно. Да не забудь принести вина из примулы. Жаль, что я не успела приготовить портвейн.

Мэгги и Нэнси так увлеклись приготовлениями к визиту высокого гостя: сновали с кухни на маслобойню и обратно — что не заметили его самого. Обнаружив, что дверь не заперта, как это было принято в провинциальных городках, мистер Бакстон вошел в дом, останавливаться в пустой гостиной не стал и отправился на звук голосов. И вот теперь стоял, слегка согнувшись, под низким косяком кухонной двери, полностью закрывая проем, и весело взирал на происходящее.

— Господи помилуй, сэр! Как же вы меня напугали! — воскликнула Нэнси, заметив стоявшего в дверях мужчину. — Обождите минуту, я сообщу миссус о вашем приходе.

Служанка ушла, оставив Мэгги наедине с этим крупным высоким широкоплечим джентльменом, улыбавшимся ей из дверного проема. Она же молча продолжала с невероятным усердием протирать бокал для вина.

— Отличная работа, детка! — раздался красивый звучный голос. — Полагаю, он уже чистый. Давай-ка ты мне покажешь, где тут у вас гостиная: мне бы присесть и отдохнуть. Путь к вам неблизкий — устал.

Мэгги послушно проводила гостя в гостиную, где было свежо и прохладно даже в самые жаркие дни. В вазе на столе стоял большой букет роз, источая нежный аромат, переплетавшийся с благоуханием садовых цветов, залетавшим вместе с ветерком в распахнутые окна. Мистер Бакстон был очень крупным, а гостиная настолько маленькой, что Мэгги испуга-

лась, как бы, уходя, он не унес их дом на спине подобно тому, как улитка — свой панцирь.

— А вы весьма симпатичная маленькая дама, — заметил гость, потянувшись (что было вовсе не обязательно), и расстегнул жилет. — Каким прозрачным и чистым стал этот бокал! Может, наполнишь его водой? Только именно тот, который ты с таким усердием вытирала. Я его непременно узнаю.

Мэгги обрадовалась возможности выскользнуть из гостиной, и в коридоре встретила мать, уже в другом платье, не только чепце. Прежде чем позволить дочери вернуться в гостиную с водой, Нэнси пригладила ее коротко подстриженные блестящие волосы, и этого оказалось достаточно, чтобы придать ее образу опрятности. Мэгги старательно пыталась найти тот самый бокал среди стоявших на подносе шести одинаковых, опасаясь, что Нэнси была недостаточно правдива, когда сообщила, что поставила его к остальным, после того как обнаружила на туалетном столике, возвращаясь от госпожи.

Мэгги гордо внесла бокал с водой в гостиную, чрезвычайно довольная, что он такой чистый и прозрачный. Мать сидела на краешке стула, изъясняясь непривычно витиевато, голосом, который стал каким-то тонким и пронзительным. Эдвард стоял рядом с мистером Бакстоном во всем своем воскресном великолепии и выглядел счастливым, и сознавая всю важность момента. Но когда вошла Мэгги, гость жестом велел Эдварду отойти и усадил ее к себе на колени. Девочка сидела, точно на вершине славы, но поскольку не решалась устроиться поудобнее, стул, по ее мнению, был бы предпочтительнее коленей гостя.

— В качестве учредителя я имею право выбора кандидата и очень рад сделать это ради моего старого друга. Моему юному избраннику предстоит выдержать несложный экзамен, и тогда перед ним откроется большое будущее, я в этом не сомневаюсь. О, какое восхитительное игристое вино, но, благодарю, налейте мне совсем немного. А этот имбирный пряник похож на те, что я ел в детстве. Моя маленькая леди должна изучить рецепт и приготовить мне такой. Она согласна?

— Поговори с мистером Бакстоном, дитя, ведь он так добр к твоему брату! — украдкой вытирая глаза, сказала миссис Браун. — Ты непременно испечешь ему имбирный пряник — я ничуть в этом не сомневаюсь.

— Если получится, — ответила Мэги, робко опустив голову.

— Или вот что я тебе скажу: что, если ты придешь к нам и научишь печь такое замечательное лакомство нашу кухарку? И тогда у нас всегда будет вдоволь имбирных пряников. Да, полагаю, так будет лучше всего. Как думаешь, мама позволит тебе посетить Комбхерст, чтобы мы все смогли познакомиться поближе? Со мной живут замечательные дети: мальчик и девочка, — которые будут очень рады тебя повидать. К тому же ты сможешь покататься на пони и посмотреть на павлина, цесарку и прочую живность. Ну же, мадам, позвольте мне вас уговорить. Занятия в школе начинаются через три недели. Так давайте выберем день.

— Да, мама, пожалуйста! — произнес Эдвард.

— Я не готова наносить визиты, — возразила миссис Браун, но от внимания детей не ускользнула